

Глава 20

Мужчина вскинул взгляд и посмотрел на него с едва уловимой, понимающей усмешкой. Сердце Ду Юньтина пустилось вскачь, и ему не оставалось ничего другого, кроме как уткнуться в бумаги, продолжая через силу ими восхищаться:

— Какая прелесть... Мне даже самому захотелось купить пачку-другую такой бумаги.

Мать Чэнь посмотрела на него с недоумением. Она тоже потрогала лист, а затем перевела взгляд на сына.

Как ни посмотри, это была самая обыкновенная бумага...

Впрочем, качество канцелярии её сейчас волновало меньше всего. Всё её внимание было сосредоточено на том, что сын думает о людях на этих снимках. А ещё лучше — если бы у него появились на их счёт какие-нибудь конкретные планы.

— Ну как? — с надеждой спросила она.

— ...

Выкрутиться не получалось. Юньтину пришлось сухо выдавить:

— Вроде ничего так.

Мать Чэнь, ожидая подробностей, не унималась:

— Кто тебе приглянулся больше всех? Скажи, и мама всё устроит.

Взгляд господина Гу тоже переместился на него — холодный, пристальный, выжидающий. Юньтин ещё не до конца изучил характер Гу Ли, но от этого его невозмутимого вида юноше стало не по себе. Казалось, кто-то бесцеремонно схватил его за уши, словно кролика, и теперь он не знал, куда себя деть от беспокойства.

— Да как-то никто особо не зацепил, — он постарался придать голосу безразличие и небрежно бросил папки обратно на стол, после чего потянулся к матери и обхватил её под локоть. — Мам... давай я сам буду решать такие вопросы, ладно?

Слова были адресованы женщине, но глаза Ду Юньтина так и косились на Гу Ли. Тот протянул руку к чашке, и та со звонким, многозначительным стуком опустилась на столешницу.

Сердце юноши ёкнуло в такт этому звуку.

— Решать, конечно, тебе, — мягко ответила мать Чэнь. — Но где ты ещё встретишь столько людей? Те, кого я нашла, — сплошь завидные женихи. Мой тебе совет: встретись с ними, присмотришься. Даже если ничего не выйдет, просто заведёшь полезные знакомства.

— ...

«Мама, ты меня в могилу сведёшь»

Юньтин поспешно перебил её:

— Мне не нужны новые знакомства.

«Я предан только господину Гу, честное слово»

Мать Чэнь явно не одобрила такой категоричности, но промолчала, отведя взгляд. Пользуясь моментом, юноша вкрадчиво обратился к Гу Ли:

— Дядя, может, мне налить вам ещё чаю?

Он замер рядом, глядя на мужчину преданными глазами. Господин Гу встретился с ним взглядом и едва заметно кивнул.

Ду Юньтин, почувствовав облегчение, пулей вылетел на кухню. Но едва он успел налить кипяток, как дверь за спиной с негромким шорохом открылась. Кто-то вошёл следом за ним уверенным, неспешным шагом.

Гу Ли был зрелым мужчиной, и его поведение разительно отличалось от мальчишеских истерик с допросами. Он просто закатал рукава рубашки и, помогая племяннику с водой, как бы невзначай спросил:

— Нравятся такие фигуры?

— ...

Честно говоря, Ду Юньтин умел ценить рельефные мышцы, но дураком он не был.

Он решил зайти издалека:

— Я никогда не смотрю на внешность.

Гу Ли вопросительно выгнул бровь.

— Правда, — Трус Ду решил обнажить душу. — Я не поверхностный человек. Для меня всегда важнее внутренний мир.

— В таком случае, — дядя на мгновение замолчал, — расскажи, каков внутренний мир твоего дяди.

— ...

«Твою же... Почему экзаменационные вопросы всегда прилетают так внезапно?»

Если он сейчас не ответит, ему несдобровать. Интуиция Юньтина забила тревогу, волосы на затылке встали дыбом. Лихорадочно соображая, он начал плести ответ:

— Дядя... Дядя — замечательный человек.

Бросив эту «карточку хорошего человека» в качестве фундамента, он почувствовал, что дальше дело пойдёт легче, и выдал целую тираду похвал:

— Ответственный, преданный делу, трудолюбивый, безупречно порядочный... Внушительный размер, в деле хорош, длинноногий, с поджарым торсом...

Гу Ли усмехнулся:

— В деле хорош?

Всё, приехали. Юньтин так часто думал об этом про себя, что язык сам выдал привычную формулировку. Обливаясь холодным потом, он поспешно попытался исправить последние слова:

— Я имел в виду... В самом расцвете сил! В самом расцвете!

[**...Наивный. Думаешь, он поверит в этот бред?**) — подала голос Сяо Лю.

Она была права: нужно быть идиотом, чтобы перепутать эти понятия.

Гу Ли тоже долго хранил молчание, прежде чем протянуть руку и коснуться его лица. Юньтин

прижался щекой к его ладони и, словно кот, потерся о неё. Его спина непроизвольно выгнулась — казалось, он настолько наслаждался прикосновением, что совершенно забыл обо всем на свете. Из гостиной донёсся голос матери Чэнь, которая громко спросила:

— Вы решили, что будете на ужин?

Юньтин попытался поднять голову, но не успел — мужчина снова прижал его к себе. Юноша уткнулся лицом в его рубашку, вдыхая этот особенный, ни с чем не сравнимый аромат господина Гу.

Он не удержался и тайком сделал глубокий вдох.

— Тогда нечего вам обоим на кухне торчать, я сама всё приготовлю! — крикнула мать Чэнь.

Гу Ли разжал объятия. Ду Юньтин медленно поднял голову, чувствуя в душе лёгкое разочарование.

«Эх...»

Он надеялся, что господин Гу подержит его в руках ещё немного.

Сяо Лю уже не могла на это смотреть. К чему весь этот вид «обними меня, поцелуй меня», если после реальных объятий у него всё равно не хватит смелости на что-то большее?

Это раздражало. Ужасно раздражало!

Ду Юньтин, этот вечный девственник, на самом деле обладал богатой фантазией, но совершенно не имел решимости. В мыслях он гонял на спорткаре по скоростному шоссе, но стоило ему оказаться в кресле водителя — и он превращался в перепуганного слабака, который только и мечтал, как бы поскорее спрятаться. Вечером, уже лежа под одеялом, Юньтин шепотом начал переговоры с 7777:

— Слушай, подгони мне кое-что.

[**Что именно?**) — сухо отозвалась система.

— Ну, что-нибудь полезное, — Трус Ду спрятал лицо в подушку и застенчиво добавил: — Для нашего... «опыления». Понимаешь?

Он сделал неопределенный жест пальцами.

— Ну, смекаешь?

[**...**]

«Смекаю я, как же! Тебе пчелу прислать, что ли?»

Сяо Лю было искренне жаль свои способности к пониманию. Будь она прежней системой, она бы ни за что не догадалась, что скрывается под этим словом.

Но проведя время с этим хостом, она изменилась. Теперь она слишком быстро схватывала смысл двусмысленных словечек, вылетающих изо рта Ду Юньтина...

[**Нет такого**] — отрезала система.

«Черт, почему слово "опыление" не входит в список запрещенных цензурой?»

— Как это нет? — возмутился Юньтин. — Это же предмет первой необходимости!

Сяо Лю не понимала: с каких это пор подобные вещи стали «необходимыми»?

— Ты разве не понимаешь, что бывают разные ситуации? — продолжал Трус Ду. — Например, когда пробка слишком велика для бутылки, но её всё равно пытаются туда запихнуть? Или когда голова огромная, а шапка крохотная...

Сяо Лю захотелось немедленно самоликвидироваться, лишь бы не слушать этот поток сознания.

— Ты посмотри в магазине обмена, — не унимался юноша. — Я могу баллы потратить.

[**...Ты ещё не выполнил задание. У тебя нет баллов**]

Юньтин даже глазом не моргнул:

— Тогда в долг.

[**Опять?!**] — вскинулась Сяо Лю.

«Ты меня за банк держишь? Решил микрозаймы у меня пачками брать?»

На этот раз она была тверда в своем решении:

[**Никаких долгов! Хост должен придерживаться принципов самодостаточности и упорного труда. Сказала — нет, значит нет!**]

— ... — Ду Юньтин медленно моргнул, о чем-то раздумывая. — То есть... такая вещь у тебя всё-таки есть?

[**...**]

Осознав, что угодила в ловушку, 7777 немедленно ушла в офлайн.

Юньтин всё понял.

«Раз вещь существует — это главное. А уж как заставить Двадцать восьмую её отдать, я придумаю»

***

Супруги Сяо, вернувшись домой, тоже не сидели сложа руки. Они перевернули все вещи сына и действительно обнаружили немало так называемых «брендовых» товаров. Одних только часов набралось больше десятка — тяжелых, внушительных. Мать Сяо сложила их в картонную коробку и прижимала её к себе с таким трепетом, словно это был сундук с золотом. Сами часы им были не нужны, и после недолгих споров старики решили отнести их в магазин и продать.

Такие деньги не должны лежать без дела.

Узнав адреса бутиков, супруги Сяо, набравшись наглости, отправились в город. Войдя в один из элитных магазинов, они с грохотом выставили коробку перед продавцом и скомандовали:

— Принимайте обратно. Деньги верните.

Продавец даже не шелохнулся, сохраняя вежливую улыбку.

— Будьте добры, предъявите чеки, подтверждающие покупку.

Откуда им было взять чеки? Мать Сяо вытаращила глаза, включая привычную деревенскую манеру общения:

— Мы в вашем магазине их покупали, вы что, своих вещей не узнаете?! Такие дорогие часы — и никакого порядка! Где справедливость?

Она перешла к своему излюбленному приёму:

— Вы просто издеваетесь над стариками!

Обычно это срабатывало безотказно: вокруг собирались сочувствующие, и она могла начать полноценное представление с криками и слезами. Но здесь был не рынок. Как только они вошли, охранник перекрыл доступ лишним людям, обеспечивая комфорт немногочисленным клиентам. Поэтому в зале, кроме них самих, никого не было, и ломать комедию оказалось не перед кем.

Видя, что на её вопли никто не реагирует, мать Сяо понемногу затихла, побагровев от злости. Продавец взял одну из моделей, внимательно осмотрел её под лампой, а затем усмехнулся. Взгляд его мгновенно изменился.

— Вы, должно быть, ошиблись. Это не наши часы. Это подделка.

Мать Сяо не верила своим ушам. Как они могут быть подделкой?

— Да они же тикают!

— Тикают, это бесспорно, — продавец указал ей на логотип. — Но посмотрите: клеймо напечатано криво. Это не наше производство.

Мать Сяо уставилась на него:

— Ну и сколько они тогда стоят?

Продавец не скрывал иронии:

— Это фальшивка. Если отнесёте их на какой-нибудь блошиный рынок, может, вам и дадут за них юаней двадцать-тридцать.

Двадцать-тридцать...

У матери Сяо потемнело в глазах. Она хотела было снова устроить скандал, но терпение продавца лопнуло. Видя, что эти двое пришли только за неприятностями, он вызвал охрану. Престарелую чету бесцеремонно выставили за дверь. Пакет в их руках по-прежнему был тяжелым, но теперь он ощущался не как гора золота, а как грудa ржавого металлолома.

Отец Сяо с каменным лицом закурил, чувствуя, как позор жжёт ему лицо.

— И вечно ты ввязываешься в какой-то срам! Посмотри на себя... Как ты только сына воспитала?

Старуха, конечно, молчать не стала и закричала на всю улицу:

— Сяо Цзяньцян, ты, старая бесстыжая рожа! Это не твой сын, что ли? Я его, по-твоему, в одиночку сделала?

— Да замолчи ты уже! — прикрикнул старик. — Хватит позориться!

Но мать Сяо только разошлась, вываливая на мужа поток отборной ругани. Прохожие и работники соседних лавок начали с любопытством выглядывать на улицу. Вскоре к ним подбежал охранник торгового центра:

— Почтенные, давайте переместимся в другое место. Здесь запрещено курить и устраивать ссоры...

Люди вокруг начали шептаться и указывать на них пальцами.

— Совсем никакой культуры... Курят в общественном месте.

— Что за люди? Шли бы домой и там ругались, нашли место.

— ...

В самый разгар этого позора отец Сяо заметил знакомый силуэт. Ду Юньтин, пробираясь сквозь толпу, остановился перед ними и удивленно вскинул бровь:

— О, неужели вы и вправду решили сдать фальшивки как оригинал?

После этих слов взгляды окружающих стали еще более неприязненными. Отец Сяо, дрожащей рукой потянулся к сигарете, собираясь что-то возразить, но в этот момент из бутика, который только что выставил их за дверь, выбежал продавец. Он почтительно открыл перед Ду Юньтином дверь:

— Господин Ду, здравствуйте! Прошу вас, проходите. Часы, которые вы заказывали, уже готовы. Не желаете присесть и выпить чаю, пока мы всё оформим?

В этот момент юноша, небрежно продемонстрировав всё величие своего богатства, нанес старикам сокрушительный удар.

— Не стоит, — бросил он тоном заносчивого богача, который так и подмывал дать ему по лицу.
— вещь за несколько сотен тысяч — не велика ценность. Просто дайте мне какой-нибудь пакет, чтобы донести. — Он кивнул на мать Сяо. — Вроде того, что у этой женщины.

— ...

На этот раз супруги Сяо едва не задохнулись от ярости.

***

С тех пор Трус Ду, твердо вознамерившийся получить кредит, декламировал стихи исключительно в духе: «Срываю хризантему у восточной изгороди», а стоило ему запеть: «Пусть весла наши плещут...», как он принимался так плескаться в воде, что брызги летели во все стороны. Даже его обычная распевка теперь превратилась в: «Ах, ах, а-а-ах!»

[**...**]

Система искренне хотела поинтересоваться: считается ли убийство хоста нарушением правил?

<http://bllate.org/book/15364/1372884>